

отдачи социологической науки в решении социальных проблем общества, в результативности социальной политики государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреевкова А.В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. Т. XX. № 3. С. 125–154.
- Жворонков А.В. Российское общество. Потребление, коммуникация и принятие решений (1967–2004). М.: Вершина, 2007.
- Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.
- Кравченко С.А. Возрождение социологической теоретической мысли в России: проблемы и достижения // Социол. исслед. 2008. № 6. С. 124–131.
- Лалин Н.И. Общая социология. Учеб. Пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2006. С. 42–43.
- Смелзер Н. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социол. исслед. 2004. № 11. С. 3–13.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы) // Социол. исслед. 2009. № 7. С. 10–11.
- Wiewiorka M. Interview // International Sociology. Review of books. 2006. V. 25. № 2.

© 2012 г.

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ

ЧЕМУ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ УЧИТ БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ?

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадиевич – доктор социологических наук, профессор, зав. отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета, Красноярск (E-mail: valnemirov@mail.ru).

Аннотация. Данные заметки посвящены состоянию современной социологии как учебной дисциплины. На примере таких тем, как: научный статус социологии, социальные изменения, современные западные социологические теории, социология эмоций, социальная структура общества рассмотрены проблемы изучения социологии в высшей школе.

Ключевые слова: социологическое знание • социологическое образование • социальные изменения • социология эмоций • теоретическая социология • социальная структура

Мы не пытаемся дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, тем более что журнал недавно опубликовал подробный анализ содержания современной учебной литературы по социологии [см.: Тощенко, Романовский, 2011: 146–151]. Рассмотрим, на примере лишь нескольких тем, какой социологии учат современных российских студентов. Прежде всего о том, как студентам подчас преподносят научный статус социологии. По мнению, например, Б.А. Исаева, “теоретической основой, фундаментом социологии является **философия** (выделено мною. – В.Н.). Именно из **философии** черпает социология парадигмы, концепции, подходы, отдельные идеи, методы и терминологию” [Исаев, 2010: 7]. Рецензентами данного пособия являются широко извест-

ный, заслуженный социолог, д. филос. н., проф. А.О. Бороноев и к. филос. н., доцент С.П. Ежов. Учебное пособие допущено УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности 040201 “Социология”, и другим гуманитарным специальностям.

Надо сказать, что похожее мнение поддерживают и другие авторы, например: “Социология как социальная философия в структуре социологического знания имеет основополагающее значение. Как социальная наука, вырастающая из философии и развивающаяся первоначально на ее основе, она объективно несет в себе печать философского образа мышления” [Социология. Общий курс, 2008: 13]. Как говорится, без комментариев. Очевидно, пора доставать свой диплом кандидата филос. наук, полученный в 1981 г., когда “прикладная социология” официально считалась философской наукой.

1. В чем состоят социальные изменения?

Прежде всего имеет смысл обратиться к примерным программам, построенным на основе общеобразовательного стандарта 3-го поколения, вокруг которого в свое время было сломано немало копий. Рассмотрим, в частности, программу по дисциплине “социология” для бакалавров, разработанную знаменитой “Вышкой” (НИУ ВШЭ), по праву одним из наиболее “продвинутых” и высоко престижных в России университетов инновационного типа [Примерная программа..., 2011]. На наш взгляд, она содержит некоторые типичные неточности, которые характерны для многих иных учебно-методических материалов по социологии. Так, в разделе программы “Социальные изменения” постулируется такое его содержание: “Модернизация и развитие. Урбанизация и урбанизм. Население. Здоровье и старение. Формы социального конфликта. Коллективные действия и общественные движения. Глобализация”.

У нас вызывает большие сомнения, что, во-первых, указанные аспекты являются наиболее важными для данного раздела, во-вторых, исчерпывают его проблематику, в-третьих, все из них имеют прямое отношение к социальным изменениям. Например, “Население. Здоровье и старение”, скорее, относятся к курсу социальной демографии. Хотя, строго говоря, почти все что угодно в социологии может быть рассмотрено в процессуальном аспекте, т.е. в ракурсе социальных изменений. Именно поэтому проблематика социальных изменений, на наш взгляд, должна быть выделена особо четко.

Следует заметить, что ряд недостатков “Примерных программ” могут быть успешно преодолены, нивелированы в авторских программах или авторских учебных пособиях и учебниках. В качестве положительного факта можно привести содержательную, на наш взгляд, весьма профессионально и грамотно составленную авторскую программу дисциплины “Методология и методы социологического исследования”. Программа рекомендуется для направления подготовки 040100 Социология. Квалификация (степень) выпускника: бакалавр, автор: д. соц. наук, проф., зав. кафедрой анализа социальных институтов НИУ ВШЭ Девятко И.Ф.

Надо сказать, что социальные изменения – это одна из тех тем, которым наименее “повезло” в современной отечественной социологии. Еще со школьного курса обществознания учащимся (многие из которых – будущие студенты) внушается, что данная тема исчерпывается, главным образом, такими вопросами, как “социальный прогресс и регресс”, “социальные революции”, “социальные движения” [Обществознание, 2009]. Совсем недавно в учебной литературе появилось, к счастью, “инновационное развитие”, что дает возможность более глубоко осмыслить данную тему. На мой взгляд, весьма позитивным для нашей социологической науки является неоднократный перевод на русский язык и цитирование в учебной литературе известных работ П. Штомпки, что позволило заметно обогатить понимание данного раздела.

Но ведь известно, что социальные изменения не исчерпываются названными аспектами. Они, как минимум, должны быть рассмотрены в контексте таких характери-

стик, как линейные, циклические, волновые [Немировский, 2010: 339–438]. По данным проблемам имеется, без преувеличения, огромное число изданных монографических работ, научных статей как за рубежом, так и в нашей стране. Но в подавляющем большинстве учебников и учебных пособий эти аспекты темы попросту игнорируются. Например, раздел “Социальные изменения” в УМКД по курсу “Социология” одного из республиканских вузов России раскрывается посредством тем «Типология обществ. Понятия “социального изменения”, “социального развития”, “социального прогресса”, “модернизации”. Концепции эволюционного и революционного развития общества. Теория культурно-исторических типов. Глобализация социальных процессов в современном мире. Новые тенденции и формы национально-этнического, социально-территориального структурирования общества. Причины обострения межнациональных отношений» [Социология: учебно-методический..., 2010: 18]. К счастью, есть и позитивные исключения. Так, Д.В. Кухарчук в небольшом по объему “конспекте лекций” значительное место уделяет циклическим социальным изменениям, подробно рассматривая фазы циклов в обществе, а также справедливо указывая, что “среди циклических процессов выделяют изменения по типу маятника, волновые движения, спиралевидные” [Кухарчук, 2010: 118–119]. Также в данном “конспекте лекций” нашлось место социальным циклам, охватывающим целые культуры и цивилизации.

Существенное внимание “циклическим и волновым теориям” жизни общества уделяет и уже цитированный выше Б.А. Исаев [Исаев, 2010: 210–217]. Однако в большом по объему, весьма интересном и содержательном учебнике А.И. Кравченко “Социология”, к числу несомненных достоинств которого следует отнести весьма полезный для студентов список “Порталов, универсальных поисковых систем и Интернет-ресурсов”, самостоятельный раздел, посвященный социальным изменениям, отсутствует вовсе [Кравченко, 2008]. При этом в изданном несколькими годами ранее фундаментальном учебном пособии под редакцией В.А. Ядова, на наш взгляд, тема социальных изменений на примере социальных трансформаций в России была раскрыта весьма глубоко и подробно [Социальные трансформации..., 2005].

И все же социум во многих учебниках, за исключением отдельных его элементов, например, социальных институтов или социальной структуры, предстает в форме застывшей идеальной статичной картины. Получается, что одни элементы общества подвержены социальным изменениям, другие – нет. Почти не встречается также анализ такого важного для понимания социальных изменений феномена, как социальные катастрофы.

2. Всегда ли современны “современные” западные социологические теории?

Еще одна из наиболее заметных проблемных ситуаций в процессе изучения курса социология, причем не только будущими социологами, но и студентами других специальностей, возникает, когда они, прослушав преподавателя или прочтя соответствующие разделы учебного пособия, порой задают такие “наивные” вопросы: “А почему большинство *современных* западных социологов-теоретиков уже давно умерли?” или “Разве можно назвать *современными* произведения, опубликованные на языке оригинала 40–60 лет назад?”. В результате практически у каждого преподавателя сложилась своя “система объяснений” этих “фактов”.

Но чем же вызваны такие вопросы? Вернемся к уже цитированной нами примерной программе. Не вдаваясь в детали, отметим, что в разделе “Западная теоретическая социология конца XX – нач. XXI вв.: основные школы, направления и тенденции интеллектуального развития” предлагается осветить, наряду с концепциями и воззрениями таких ныне здравствующих и активно работающих социологов, как Э. Гидденс, И. Валлерстайн или Дж. Александер, и произведения (мы ни в коей мере не подвергаем сомнению их научную ценность, речь идет лишь о призыве к более адекватной их периодизации в учебной литературе) других, уже, к сожалению, скончавшихся. Как известно, Н. Луман умер в 1998 г., П. Бурдьё – в 2002, А. Горц – в 2007 г. Живущий и поныне Ю. Хабермас основные свои работы, которые изучают в отечественной выс-

шей школе, опубликовал в 60-х – начале 70-х годов прошлого века. Сказанное совершенно не означает, что их следует игнорировать, но на теорию конца XX – начала XXI в. все это претендовать вряд ли может. А что может быть проще: обратиться к действительно современным зарубежным учебникам или монографиям, изданным, например, в 2008–2011 гг., учитывая весь широкий спектр представленных ими направлений западной социологии, а не только традиционный для отечественных учебников, и отразить их в соответствующем разделе.

Далее закономерен вопрос: а почему во всех программах всегда рассматривается только западная теория? Ведь и в других, “незападных” странах есть свои социологические школы [см.: Всемирный доклад..., 2002]. Активно развивается теоретическая социология и в современной России. Некоторые причины существующего разделения на “западные” и “незападные” теории подробно проанализировала С.Г. Кирдина, которая при этом сама является автором весьма эвристичной и популярной “теории институциональных матриц” [Кирдина, 2010]. Полностью разделяя новаторский теоретический подход С.Г. Кирдиной, нам неоднократно доводилось писать, что теория институциональных матриц является одним из важных частных случаев разработанной нами методологической модели минимального универсума [Немировский, 2010: 137–139 и др.].

На наш взгляд, одна из причин “зависания” отечественной социологии в контексте западных теорий середины – второй половины прошлого века – это ориентация многих наших ученых и преподавателей (как, впрочем, и немалой части зарубежных коллег) на направления западной и отечественной социологии, которые обычно именуют с приставкой “нео”: “неоинституализм”, “неомарксизм” и т.п. Безусловно, эвристический потенциал классических концепций, переживающих новый расцвет, велик и, пожалуй, раскрыт еще не до конца. Но мы живем в другое время. Уже много лет студентам преподается курс “Концепции современного естествознания”, который зачастую никак не корреспондирует, а то и вовсе противоречит ряду собственно социологических курсов. Речь идет прежде всего о новой научной картине мира и порожденных ею познавательных моделях: системной (отметим, что она далеко не полностью адекватна “системной парадигме” в социологии в том виде, как последнюю принято излагать в разделах учебников, посвященных истории социологии [см.: Давыдов, 2006; Давыдов, 2007]), синергетической, диатропической. Все это с опорой на современные методы математической статистики и математического моделирования открывает перед социологией, без преувеличения, широчайшие перспективы. Причем современная отечественная философия вполне активно освоила новую научную картину мира и порожденные ею научные дисциплины, например, социальную синергетику. Наша же родная социология порой не может “оторваться от материнской груди” марксистско-ленинской философии, в частности, исторического материализма.

В этой связи трудно не согласиться с мнением А.А. Давыдова, что социальные проблемы носят системный характер и для их анализа, прогнозирования и разработки управленческих рекомендаций требуется интеграция научного знания. Если рассмотреть современный международный опыт (электронные базы научных журналов), то можно заметить, что в зарубежной социологии интенсивно развиваются именно те направления исследований, которые “пришли” в социологию из естественнонаучных и инженерных дисциплин и оказались чрезвычайно полезными для объяснения и понимания сложных социальных явлений и процессов [Давыдов, 2011].

3. Изучает ли социология эмоции?

Казалось бы, ответ давно очевиден: “да”. На Западе социология эмоций активно развивается уже около 40 лет, и библиография работ, посвященных этой проблематике, составляет тысячи наименований; существуют и бурно конкурируют между собой различные научные школы в этой области. Существуют справочники и учебные пособия по социологии эмоций. Можно для примера назвать лишь несколько недавних совершенно разноплановых публикаций: [Hochschild, 1979; Tham, 1992; Handbook

of the Sociology of Emotions, 2006; Shilling, 2002; Turner, 2009; Barbalet, 2006; Barbalet, 2009; Barbalet, 2011; Dickson-Swift, James, Kippen, Liamputtong, 2009] и др. Нельзя не сказать и о таком направлении зарубежной науки, как психоистория, возможности применения некоторых подходов которой в социологическом изучении эмоций, по нашему мнению, нельзя игнорировать [DeMause, 1982; DeMause, 2002].

В России начало активной институализации этого направления социологических исследований положили работы Ж.Т. Тощенко, в которых всесторонне изучено “социальное настроение [Тощенко, 1998: 21–34]. К настоящему времени опубликовано несколько работ отечественных авторов, в которых анализируются зарубежные тенденции развития социологии эмоций [Дееева, 2010: 134–154; Симонова, 2009: 292–331 и др.]. Есть ряд отечественных социологических исследований эмоций (а также авторов из некоторых стран СНГ), однако все они касаются, прежде всего, различных проявлений элементарных эмоций, например, страха [Головаха, Панина, 1994; Ядов, 1997: 77–91; Матвеева, Шляпентох, 2000; Шубкин, Иванова, 2004; Россия на новом переломе..., 2009]. Недавно журнал СОЦИС сделал попытку, к сожалению, на фоне реально существующей в зарубежной науке социологии эмоций, явно не удавшуюся, обобщить результаты теоретических исследований эмоций и сформулировать направления дальнейших исследований этого феномена. В анализе отсутствует авторский концептуальный подход, в результате чего привлеченный материал страдает описательностью, случайностью и неполнотой анализа. Из статьи непонятно, чем отличается социологический подход к анализу эмоций от подхода, используемого в психологии масс. Попытки заменить теоретико-методологические основания анализа здравым смыслом приводят к таким, например, авторским определениям, как “эмоции – специфическая форма социальной действительности”. Получается, что они объективны и существуют независимо от своего носителя!? Или к противоречивым, банальным и, мягко говоря, спорным выводам: “Конечно, желательно, чтобы большинство решений принималось скорее рационально, чем на основе чувств (?! – В.Н.). Но решение, игнорирующее чувства людей, может быть воспринято недоброжелательно и привести к неблагоприятным последствиям” [Горбунова, Фиглин, 2010: 13–22]. Честно говоря, нет слов.

Как известно, “борьба” между представителями “рационалистического” и “иррационалистического” подходов в гуманитарных науках имеет давнюю традицию. Однако обсуждение позиций сторонников каждого из вышеозначенных подходов, как и обзор происходивших между ними дискуссий, не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что в современной отечественной социологии мы все же чаще сталкиваемся с недооценкой именно эмоциональной сферы личности, а не рациональных объяснений каких-либо социальных действий.

Сразу подчеркнем, что нам импонирует подход, выраженный более ста лет назад знаменитым русским историком и социологом, почетным членом Академии наук СССР Н.И. Кареевым, который призывал: “Социология должна раз и навсегда отказаться от чистого интеллектуализма психологии. В создании общественных явлений едва ли не более важную роль играет эмоциональная и волевая сторона жизни индивида” [Кареев, 1907: 37].

Отметим, что еще в начале 1980-х годов нами было введено в социологический оборот понятие “ценностные переживания”, правомерность и эффективность которого были защищены в докторской диссертации. Каждое из них выступает проявлением определенной потребности респондентов. Разработан и вопросник, с помощью которого более чем за 20 лет опрошены десятки тысяч респондентов” [Немировский, 1989; Немировский, 1990]. С использованием данной методики подготовлен и защищен целый ряд кандидатских диссертаций. Опубликованы научные статьи, монографии, учебники и учебные пособия” [Немировский, 2009; Социокультурные процессы..., 2011; Труфанов, 2006 и др.].

На наш взгляд, не вызывает сомнений, что серьезные наработки в области социологии эмоций, имеющие место как в западной, так и в отечественной социологии, должны найти свое место и в учебном курсе данной дисциплины, особенно с учетом ее прикладной функции.

4. В каком обществе мы живем?

Традиционно для любого социологического учебника или пособия тематика социальной структуры общества. Конкретно речь идет о социально-стратификационной и социально-классовой структуре современного российского общества. Рассмотрение этих тем целесообразно предварять анализом проблемы “В каком обществе сегодня мы живем”. Иными словами, к какому из существующих типов общественного устройства относится современная Россия. Иногда в качестве примера приводятся, например, США, что особенно характерно для учебников, созданных на основе переводных взглядов, вызывающих в памяти учебники исторического материализма или научного коммунизма, с другой – студентам преподносятся новые мифы. Например, идеологический миф о “его величестве” рабочем классе заменен на миф о стремительно растущем и политически доминирующем в нашей стране среднем классе. Об этом еще в конце 90-х годов прошлого века убедительно писал В.В. Радаев [Радаев, 1998], также еще более десяти лет назад Т.И. Заславская пришла к выводу о наличии в нашей стране не “среднего”, но “срединного” класса” [Заславская, 2001: 3–11].

При этом нельзя не отметить, что в последние два десятилетия в отечественной социологии получил достаточно широкое распространение социально-стратификационный подход [Шкаратан, 2009; Ильин, 1996; Тихонова, 1999; Радаев, Шкаратан, 1996 и др.]. Как и любой другой, он имеет некоторые ограничения. На них, в частности, указывает З.Т. Голенкова: “Сразу обнаружилось, что стратификационная модель, при всех ее очевидных преимуществах, не вполне пригодна для общества, находящегося в процессе трансформации. Ее слабости коренились как в области методологии, так и в практической сфере... Методологическая слабость стратификационной модели проистекает из концептуальных основ той функционалистской парадигмы, в которой она возникла. Эта парадигма рассматривала общество как систему, в которой каждый индивид занимал ту позицию, которая соответствовала его талантам и заслугам. В неравенстве функционализм видел механизм, призванный обеспечить воспроизводство и выживание системы. Второй серьезный недостаток стратификационной модели состоял в том, что она ориентировалась на анализ неравенства в стабильном обществе, где более высокой квалификации чаще всего соответствовал более высокий доход, а социальная мобильность работника является мерой общественной потребности в нем. При этом она крайне слабо подходила для анализа общества, находящегося в фазе радикальной трансформации, когда старые институты распределения находятся в состоянии кризиса, а квалификации или навыки, приобретенные в старое время, проходят экзамен на пригодность к новым условиям” [Модернизация..., 2008: 10–11].

Трудно также не согласиться с мнением В.А. Ядова: «с позиций стратификационного подхода положение исследователей весьма незавидно из-за трудностей обнаружить в нынешней России полноценный средний класс. Формально (так и поступают многие исследователи) нетрудно выстроить иерархию социальных групп по размеру доходов и “назначить” одних высшей, других – средней и третьих – низшей стратой. Но здесь две проблемы. Одна – средний класс по определению заинтересован в стабильности данной общественной системы, а российский “средний” постоянно “жалуется” на незащищенность и неустойчивость материального положения. Вторая проблема – разброс самооценок материального благополучия. ...Еще более сомнительны самоопределения граждан в стратификационных терминах» [Ядов, 2006: 39–40]. Наряду с этим сторонники стратификационного подхода убеждены в его адекватности для изучения реалий современной России. Так, Л.А. Беляева подчеркивает, что “среди специалистов практически нет сомнения, что средний класс в России находится в стадии формирования. Наиболее дискуссионным вопросом является определение критериев, по которым выделяется средний класс”.

На наш взгляд, важно отметить, что социальная структура общества во многом выступает производной от типа, к которому относится само данное общество. Поэто-

му первоначально необходимо определиться с тем, в каком обществе мы живем. Для многих студентов этот вопрос представляет немалый интерес. Понятно, что известные сентенции типа “государственно-олигархического (или государственно-бюрократического) капитализма”, “управляемой демократии”, “суверенной демократии” мало что объясняют. С точки зрения В. Шляпентоха, «пример постсоветской России показывает, что попытки описать российское общество в терминах одной “интегративной системы” (либеральной, авторитарной или любой другой) оказались безрезультатными. Фактически эта же проблема возникает при анализе многих обществ, включая Соединенные Штаты, Мексику и Японию... Разброс мнений в литературе, посвященной современной России, отражает глубокий раскол во всех сферах – идеологической, политической, социальной, экономической, этнической и культурной. Преобладание интегративно-системного подхода отчасти объясняет, почему многочисленные теории не смогли полностью объяснить социальные, политические и экономические перемены в постсоветских странах» [Шляпентох, 2008: 31–35].

Так, на основе проведенного им анализа с применением сегментированного подхода В. Шляпентох делает вывод об эффективности применения феодальной модели с целью анализа и объяснения современного российского общества. Аналогичную или весьма близкую к ней точку зрения высказывает и ряд иных авторов. Например, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения” А. Рябов считает, что факторы появления и распространения в разных сферах социальной жизни современной России элементов архаики восходят к феодальным отношениям. К ним автор относит государственное непротиводействие коррупции, фактическую практику “кормления” региональных начальников, пропаганду сословности и корпоративности, противоречащую социальной динамике развития современного общества. По его мнению, все это отражает неготовность транзитного общества к дальнейшим изменениям, связанным с новыми рисками, которые заменяются стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинах архетипов массового сознания. Исходной причиной возрождения архаики выступает реставрация системы личной зависимости, клиентелизма как системообразующего фактора во властных отношениях, полагает А. Рябов, по мнению которого в современной России воспроизводятся характерные черты практики захвата земель феодалами, использовавшими для этого силу и свое привилегированное положение. Автор обращает внимание на активную пропаганду роскоши, процесс элитизации образования, систему протекционизма при приеме на работу в ведущие российские компании, неравенство людей и социальных групп перед законом и т.п. А. Рябов делает вывод, что матрица архаичных социальных практик в современном российском обществе имеет системный характер и серьезную тенденцию не только к сохранению, но и к укреплению [Рябов, 2008].

В. Шляпентох делает вывод, что, как и в случае средневековых обществ, главная проблема России состояла в слабости постсоветского государства, что было обусловлено в основном коррумпированностью политической верхушки и государственных органов, а также ограниченными ресурсами, которые имело в своем распоряжении правительство. Одновременно, как и в эпоху средневековья, бессилие государства и распространение коррупции и преступности стали причиной всеобщего неуважения к закону. Причем некоторые субъекты постсоветского общества очень похожи на те, что существовали в эпоху средневековья. Самые значимые из них – глава государства, олигархи (или руководители корпораций) и губернаторы регионов и местные элиты.

Существует научно обоснованное определение постсоветского общества как “индустриальный феодализм” [Иванов, 2003]. В феодальном обществе современными учеными традиционно выделяются не только классы, но и сословия, которые играют в нем, как правило, более значимую роль.

Не случайно С.Г. Кордонский использует для анализа современной России (и не только современной) сословное представление о социальной стратификации и доказывает, что именно “...сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры. В им-

перской России были одни сословия, в СССР – другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи” [Кордонский, 2008: 37]. При этом уточняется, что понятие классов используется для описания социальных иерархий в отношениях потребления, понятие же сословий введено для описания иерархий служения, или обслуживания, прав и привилегий [Кордонский, 2008: 24]. Автор полагает, что Россия – это страна, в которой в стабильные времена, вне и революций, и перестроек доминирует сословное мироустройство, основанное на неравенстве граждан перед законом и различиях в объемах прав и обязанностей перед государством. Россия была и остается ресурсным государством, в котором ресурсы не преумножаются. А распределяются – делятся между сословиями. Приращение ресурсов осуществляется за счет “расширения ресурсной базы, а не за счет производящей товары деятельности и оборота капитала...” Поскольку в настоящее время окончательно не сформировалась ни сословная, ни классовая структура, для живущих в России людей характерна всеобщая аномия. В актуальной реальности нет групп, с которыми люди могут себя однозначно идентифицировать. Они не могут определить себя ни как богатых или бедных (не говоря уже о принадлежности к среднему классу), ни как членов сословного общества (служивых и поддатно-обслуживающих, например). Маргинальность нашего общества является всеохватывающей и проявляется в ослаблении институтов семьи и социализации, в наркотизации, алкоголизации, а также в повальном нецелевом использовании всего, что плохо лежит, указывает автор [Кордонский, 2008: 37–41].

О.И. Шкаратан также приходит к следующему выводу: “наши исследования социальных отношений реальных групп... показали, что как в далеком, так и в недавнем (советском) прошлом в современной России определяющей все же является сословно-слоевая стратификационная иерархия”. Автор отмечает, что в России переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определяются их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации, так и не состоялся. Властные отношения, как и прежде, доминируют над собственническими” [Шкаратан, 2009: 18–19]. У нас не вызывает сомнения, что подобные, даже диаметрально противоположные точки зрения, должны быть отражены в современных отечественных учебниках по социологии. Только в этом случае мы можем вести речь о научной объективности.

Надо сказать, что в современных западных социальных науках существует тенденция рассматривать современные общества с реальных позиций. В результате этого многие из существующих ныне государств относятся исследователями отнюдь не к “постиндустриальному” обществу, а, например, к феодальному или иным более ранним формам социальной жизни [Guillory, 2006; Blank, 2008; Shlapentokh, Woods, 2007; Shlapentokh, 1996: 393–411; Ericson, 2000].

5. Вместо выводов

Как человека, имеющего 31 год педагогического стажа (плюс пять лет научного), но, кроме того, занимавшегося и занимающегося одновременно с преподаванием другими видами практической деятельности, вопрос, вынесенный в заголовок статьи, волнует меня уже много лет. Однако если вдуматься, от адекватного состояния и использования социологии в значительной мере зависит социальное здоровье нашего общества. И тут нельзя не сказать о специфике социального запроса на социологию, существующего сегодня в России. Определяющую роль в нем играет социологическая некомпетентность ряда заказчиков исследований, больше внимания уделяющих правильной постановке запятых в отчете и его объему, нежели смыслу поставленных перед исследователем задач и результатам их решения. Социология нередко также выполняет у нас функции PR, что подрывает к ней доверие общественности. Система принятия управленческих решений во многих случаях устроена так, что участие в них социологов не предусмотрено. Поэтому как хорошо, что социология не медицина!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авторская программа. Наименование дисциплины: Методология и методы социологического исследования. Рекомендуется для направления подготовки 040100 Социология. Квалификация (степень) выпускника: бакалавр. Автор: Девятко Инна Феликсовна, д. соц. наук, проф., зав. каф. анализа социальных институтов НИУ ВШЭ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/14/1267235941/%D0%A3%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%9F%D0%9E%D0%9E%D0%9F%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf> (Дата обращения 16.01.2012)
- Беляева Л.А.* Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. *Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой*. М., 2009.
- Всемирный доклад по социальным наукам. Издательство Юнеско/Издательский Дом Магистр-ПРЕСС. Ред. Али Касанджигил и Дэвид Мэкинсон. Ред. русской версии В.С. Хелемендик. М., 2002.
- Головаха Е.М., Панина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев, 1994.
- Горбунова М.Ю., Фиглин Л.А.* Эмоции как объект социологического исследования: библиографический анализ // Социол. исслед. 2010. № 6.
- Давыдов А.А.* Системная социология. Основы системной социологии. М.: КомКнига, 2006.
- Давыдов А.А.* Системная социология. Введение в анализ динамики социума. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Давыдов А.А.* Фатальная ошибка социологии // Дискуссия о социологии. Сайт РОС. 2011. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=348 (Дата обращения 16.01.2012).
- Деева М.И.* От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюргеймианская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2.
- Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социол. исслед. 2001. № 8.
- Иванов И.* Россия солидарно-либеральная. № 326. 1 июня 2003 г. URL: <http://lebed.h1.ru/art3364.htm> (Дата обращения 16.01.2012).
- Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветских обществ. 1917–1996. Сыктывкар, 1996.
- Исаев Б.А.* Социология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2010.
- Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1907.
- Кирдина С.Г.* Современные социологические теории: актуальное противостояние? // 2010. Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / Отв. ред. *Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский*. СПб.: Алетейя, 2010.
- Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М., 2008.
- Кухарчук Д.В.* Социология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010.
- Кравченко А.И.* Социология: учеб. М.: ТК Велби; Проспект, 2008.
- Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000.
- Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. *З.Т. Голенкова*. М., 2008.
- Немировский В.Г.* Социология личности. Теория и опыт исследования. Красноярск, 1989.
- Немировский В.Г.* Смысл жизни: поиски и проблемы. Киев, 1990.
- Обществознание: Учебник / А.Б. Безбородов, М.Б. Буланова, В.Д. Губин и др.; под ред. *А.Б. Безбородова, В.В. Минаева*. М.: Проспект, 2009.
- Немировский В.Г.* Современный российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ". М., 2009.
- Немировский В.Г.* Социология: учебник. М.: Проспект, 2010.
- Примерная образовательная программа. Дисциплина: "Основы социологии". Бакалавры. Утверждено ректором НИУ ВШ Я.И. Кузьминовым 5 сентября 2011 г. Направление подготовки и специальность 040100 "Социология". Утверждено приказом Минобрнауки РФ от 17 сентября 2009 г. № 337 (постановлением Правительства РФ от 30.12.2009 г. № 1136), ФГОС ВПО утвержден приказом Минобрнауки РФ от 29 марта 2010 № 230. Квалификация (степень) выпускника – бакалавр. Нормативный срок обучения – 4 года. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/14/1267235941/> (Дата обращения 16.01.2012).
- Радаев В.В.* К появлению нового мифа о среднем классе в посткоммунистической России // Средний класс в России: проблемы и перспективы. М., 1998.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1996.
- Тихонова Н.Е.* Факторы рыночной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
- Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. *М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова*. М., 2009.

- Рябов А. Возрождение “феодалной” архаики в современной России: практика и идеи. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2008. № 4.
- Симонова О.А. Социологическое исследование эмоций в современной американской социологии: концептуальные проблемы // Социологический ежегодник. Серия “Теория и история социологии” / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: РАН, ИНИОН, ГУ ВШЭ, 2009.
- Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.): монография / Отв. ред. А.В. Немировская. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011.
- Социология. Общий курс: Учебник / Отв. ред. А.С. Страданченков, А.В. Филиппов. М.: ИНФРА-М, 2008.
- Социология: учебно-методический комплекс (для студентов Горно-Алтайского государственного университета) / Сост. Е.В. Литягин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010.
- Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта, 2005.
- Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. Опыт комплексного обеспечения учебной подготовки специалистов // Социол. исслед. 2011. № 1.
- Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социол. исслед. 1998. № 1.
- Труфанов Д.О. Ценностная социологическая концепция современных единокорств. Красноярск: РИО КрасГУ, 2006.
- Шкаратан О.И. и коллектив. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М., 2008.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004.
- Ядов В.А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал. 1997. № 3.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
- Barbalet J.M. Emotional Payoff of Ritual // European Journal of Sociology. 2006. Vol. 47 (3). P. 446–451.
- Barbalet J. Emotions beyond Regulation: Backgrounded Emotions in Science and Trust // Forthcoming in Emotion Review. 2011. P. 1–14.
- Barbalet J. Consciousness, emotions, and science // Theorizing emotions: Sociological explorations and applications / Ed. by D. Hopkins, J. Kleres, H. Flam, H. Kuzmics. New York: Campus Verlag, 2009. P. 39–71.
- Blank S. The Putin Succession and its Implications for Russian Politics // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Institute for Security and Development Policy. 2008. URL: <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?ots591=0c54e3b3-1e9c-be1e-2c24-a6a8c7060233&lng=en&id=55487> (Дата обращения 16.01.2012).
- DeMause L. Foundations of psychohistory. New York: Creative Roots, 1982. 317 p.
- DeMause L. The Emotional Life of Nations. New York: Karnac, 2002. P. 45.
- Ericson R.E. The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? [Электронный ресурс] // Bank of Finland / Institute for Economics in Transition. BOFIT Online 8/2000. URL: <http://www.suomenpankki.fi/bofit/tutkimus/tutkimusjulkaisut/online/Documents/bon0800.pdf> (Дата обращения 16.01.2012).
- Guillory S. Does Corruption make Russia a Neo-Feudal State? // Sean’s Russia Blog. URL: <http://seansrussiablog.org/2006/10/21/does-corruption-make-russia-a-neo-feudal-state> (Дата обращения 16.01.2012).
- Handbook of the Sociology of Emotions / Ed. by J.E. Stets, J.H. Turner. New York: Springer, 2006.
- Hochschild A.R. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 3. P. 551–575.
- Researching sensitive topics: qualitative research as emotion work / V. Dickson-Swift, E.L. James, S. Kippen, P. Liamputtong // Qualitative Research. 2009. Vol. 9. № 1. P. 61–79.
- Shilling C. The Two Traditions in the Sociology of Emotions // Emotions and Sociology / Ed. by J.M. Barbalet. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. P. 10–32.
- Shlapentokh V., Woods J. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New perspective on the Post-Soviet Era. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Shlapentokh V. Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 3. P. 393–411.
- Tham R. Social Structure and Emotion // Sociological Perspectives. Beverly Hills, 1992. Vol. 35. № 4. P. 649–671.
- Turner J. The sociology of emotions: basic theoretical arguments // Emotion Review. 2009. Vol. 1. P. 340–354.